

УДК 1(091)

А. А. Ивакин

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии
Национального университета «Одесская юридическая академия»

ЗНАТЬ ВСЁ КАК ОДНО (ГЛУБИННОЕ ТОЖДЕСТВО МАКРО- И МИКРОКОСМОСА)

*Выслушав не мою, но эту-вот Речь (Логос),
должно признать: мудрость в том,
чтобы знать все как одно
Гераклит*

Лейтмотивом данной статьи является размышление о противоречивом единстве идеального и материального как об универсальной причине диалектичности бытия. Однако эта философская тема, при всей ее важности, является не самоцелью, а лишь «инструментом» нахождения содержательно-логических путей решения той первейшей мировоззренческой задачи, которую сформулировал Гераклит: понять всё как одно. И, соответственно, – понять, что именно обеспечивает глубинное тождество сущности человека и сущности Бытия.

Иного пути к мудрости не существует.

*Из истории введения**в философию категорий «материальное» и «идеальное»*

Софистам, как известно, очень понравился вывод Парменида об отсутствии небытия (бытие есть, небытия нет). Рассуждали они при этом так: поскольку заблуждение и ложь, – это указание на то, чего нет, иными словами, – на небытие, а небытия, как выясняется, нет, – постольку, выходит, что нет ни заблуждений, ни лжи, и поэтому любое, самое нелепое мнение – правомерно.

Хотя «логика» такая и шита, как говорится, белыми нитками, но, поскольку обыденное сознание зачастую воспринимает субъективную и лукавую «логику» софистов довольно доверчиво, то бороться с ней, противопоставляя ей логику объективную и серьезную, это – непреходящий долг любого настоящего философа. В процессе своей постоянной и непримиримой борьбы с логическими уловками софистов, Платон понял, что проблема объективности и истинности человеческого знания, в силу её особой важности, требует серьезного переосмысления Парменидова понимания соотношения между чувственно воспринимаемыми вещами и тем, что познаваемо лишь умом и находит свое выражение в форме устойчивых понятий.

Можно ли отказывать в бытии миру окружающих нас вещей? Нет, нельзя, говорит Платон. Пусть, в силу своей текучести и бренности, мир этот весьма несовершенен, но все-таки он не является чувственной иллюзией, не имеющей отношения к бытию, он – есть. Он вполне объективно существует как некое «иное бытия» [13, с. 382–385]. Что же из себя в этом случае представляет не «иное», а подлинное, настоящее, бытие? Это, согласно открытию Платона, – *объективно существующее бытие идей вещей*, которое недоступно человеческим чувствам, но постигаемо человеческим умом. Поэтому, утверждает Платон, в человеческих понятиях отражаются не сами вещи, а именно идеи вещей.

В своей вводной статье к трехтомному собранию сочинений Платона А.Ф. Лосев писал: «Анализ бесчисленных текстов Платона показывает, что свою идею вещи Платон понимал прежде всего как принцип вещи, как метод ее конструирования и познания, как смысловую модель ее бесконечных чувственных проявлений, как смысловую ее предпосылку («гипотезу»), наконец, как такое общее, которое представляет собой закон для всего соответствующего единичного. При этом материя является функцией идеи» [7, с. 55].

Из данного обобщающего определения идеи следует, что для Платона материя вещи и идея вещи, хотя и проти-

востоят друг другу, но не существуют независимо и изолированно друг от друга. Для того чтобы убедиться в том, что Платон думал именно так, достаточно ознакомиться хотя бы всего лишь с двумя его знаменитыми диалогами – «Софист» и «Парменид».

Итак, можно видеть, что именно в философии Платона берет свое начало мысль об универсальности и единстве материального и идеального. При этом прошу читателя обратить внимание на то, что платоновские «идеи» выказывают себя в двояком смысле этого слова: они идеальны потому, что лишены материальности, и потому, что *совершенны* и в этом своем совершенстве – неизменны.

И еще: как нам следует относиться к тому самому платоновскому «миру идей», существование которого одни философы радостно принимали, а другие, начиная с Аристотеля, категорически отрицали? На мой взгляд, к нему нужно относиться, именно с учетом этой двойственности, поскольку она вызвана не только субъективными, но и вполне объективными причинами. Ведь, с одной стороны, мир идей – это весь окружающий и включающий нас в себя мир, характеризующийся взаимообусловленностью вещей и идей. Однако, с другой стороны, в пределах этого единого мира существуют различные системы духовной культуры. И они действительно суть не что иное, как относительно обособленные миры идей.

*Несколько слов о понятиях «вещь»,
«материя вещи» и «идея вещи».*

Вещь. Мартин Хайдеггер говорит, что на разных языках то, что римляне называют *res*, означает и вещь или дело, и одновременно – «...говорить о чем-либо, совещаться об этом...» И тут же он приводит поучительный пример такого со-вещания: «... *res publica* означает не «государство», а то, что заведомо касается каждого в народе, «захватывает» его и потому становится делом общественного обсуждения» [18, с. 321].

В русском языке многообразие взаимосвязанных значений слова «вещь» запечатлено в таких словах, как «вещь», «вещий», «вещание», «совещание», «вече» и т.д. В данной статье мне не потребуется весь этот спектр значений слова «вещь» (*res*). Этим словом я буду обозначать любой чем-то заинтересовавший меня относительно самостоятельный фрагмент действительности, любое его свойство или действие.

Материя вещи. Поскольку я принадлежу к философам, которые не считают материя субстанцией, под материей вещи я буду иметь в виду *материал, субстрат*, в котором должна быть воплощена или уже воплощена идея той или иной вещи. Таким образом, материя вещи – это, образно говоря, «плоть» вещи. Это чувственно доступное человеку материальное в вещи, противоположное идеальному в вещи как умопостигаемому. Распространенная в философской литературе замена слова «материальное» словом «реальное» мне представляется не очень удачной, так как влечет за собой необходимость постоянно объяснять, что в том или ином случае мы имеем в виду: «вещественное» или же «то, что есть на самом деле». При этом, и тот и другой вариант понимания слова «реальное», в свою очередь, требует новых разъяснений, поскольку первый вариант может породить тавтологию («вещественность вещи»), а второй дает повод считать идеальное тем, чего на самом деле нет, то есть – некоей выдумкой, фикцией.

Идея вещи. Говоря словами А.Ф. Лосева, «идея вещи, взятая сама по себе, совершенно не вещественна», «идея вещи есть чтойность вещи», то есть «идея вещи есть ответ на вопрос, что такое данная вещь», чем она отличается от всякой другой вещи [9]. Мысль А.Ф. Лосева абсолютно верна, но термины, в которых она выражена, при отвлечении от контекста всего интервью философа, требуют определенных разъяснений и дополнений. Во-первых, в данном случае А.Ф. Лосев счел для себя необходимым прибегнуть к понятию «вещественность» вместо «материальность». Не всякий читатель обратит внимание на уточняющие слова А.Ф. Лосева «взятая сама по себе», и поэтому может возникнуть путаница: если не вещественна идея вещи, то что в таком случае можно назвать вещественным? Ведь и вещь не «совершенно» вещественна, поскольку содержит в себе также и свою «чтойность».

Во-вторых, как это можно узреть уже у Платона, «идея вещи» обладает двумя взаимосвязанными аспектами своего содержания. Во-первых, идея – это способ бытия, функционирования данной вещи среди других вещей. Это – «чтойность» вещи, недоступная нашим органам чувств. Во-вторых, идея той или иной вещи – это образец, эталон должного формирования, *воплощения* данной идеи. Тоже, вроде бы, нечто невидимое, однако ведь *долженствующее воплощение* может стать *действительным воплощением*. И что тогда произойдет? Уж не станет ли в таком случае идея доступной нашим органам чувств?

О двойственности слова «идеальное»

Да, действительно, проблема здесь есть, и внешне она проявляется в том, что мы слово «идеальное» используем в двояком значении: во-первых, как противоположность материальному и, во-вторых, как высшую степень воплощения идеи той или иной вещи.

Вот несколько примеров использования в одном и том же предложении обоих смыслов слова «идеальное». Так, например, накануне сложнейшей операции хирург, идеально, то есть в уме, «проигрывает» все детали ее сюжета, наверняка мечтает об идеальном сочетании всех материальных условий ее протекания. Или: всё было идеально, думает дирижер, приходя в себя после бурных и продолжительных аплодисментов публики, имея в виду не только идеальную красоту и глубину художественных образов исполненной оркестром симфонии, но и вполне материальное – слаженное и мастерское – звучание инструментов оркестра.

Итак, мы постоянно встречаемся с данными пониманиями идеального в их различии и единстве. Однако, если различие здесь очевидно, то факт их единства еще следует доказать. Мне кажется, что источник этого единства заключается уже в том, что идея как образец (эталон) содержит в себе все оттенки своего наилучшего (из возможных его форм и способов) *воплощения*. Идея как бы содержит в себе информацию о наиболее подходящей материи, необходимой для своего воплощения, то есть, как это ни странно звучит, – об *идеальной материи*. Недаром Платон допускал возможность того, что даже боги, на что уж казалось бы идеальные существа, имеют свою идеальную (не стареющую, не изнашивающуюся, вечную) телесную оболочку.

Известно, что Платон зачастую вместо слова «идея» употреблял слово «эйдос». И, думаю, вряд ли – потому, что эти два слова абсолютно синонимичны. Ведь, в отличие от идеи, первоначальное значение эйдоса в греческом языке – это вид, образ, то есть «видимое», «то, что видно», а вот позднее греческий язык данному в дению придает иную специфику: «телесная или пластическая данность в мышлении» [8]. И поэтому, может быть, когда нужно указать на единство материального и идеального, на способность идеи материализоваться, Платон употребляет слово «эйдос», а когда ему нужно подчеркнуть принци-

пиальную умопостигаемость идеального, то для этого ему больше подходит слово «идея»? Постараемся разобраться в этом.

Известно, что киник Диоген никак не мог согласиться с Платоном в том, что, кроме чувственно воспринимаемых вещей, где-то существуют еще и их идеи. Почему, – вопрошал он, – я вижу вот эту чашу на столе, но не вижу ее идеи? Платон на это раздраженно заметил, что Диоген видит чашу, потому что у него есть глаза, но не видит идеи чаши («чашности»), потому что у него нет ума. Вся суть дела, следовательно, в том, что идеи вещей умопостигаемы?

Однако ведь умопостигаемость идей ни в коем случае не означает, что они существуют только в уме. А если не только в уме, то где же еще, как не в тех вещах, которые мы видим вокруг себя? Наверное, в вопрошании Диогена какое-то рациональное зерно присутствует, и нам не следует спешить начисто и бесповоротно отказываться от первоначального значения эйдоса как «видимого», «того, что видно», причем видно, так сказать, – естественно, человеческими глазами?

Вспомним восторженную оценку Сократа Карлом Марксом: «Сократ является воплощенной философией!» Подобные выражения (а примеров их можно привести множество) свидетельствуют о том, что идеальное – это не только нематериальный образец (возможность) способа бытия той или иной вещи, но и *возможность*, постоянно воплощаемая, превращаемая (в том числе и в самой превосходной степени) в *действительность*. Выше мы говорили об идеальной материи, теперь приходится говорить об *идеально воплощенном идеальном!*

Сразу же хочу подчеркнуть, что данное словосочетание ни в коем случае не означает того, что, став воплощенной, идея тем самым становится уже не идеальной, а материальной. Даже в вещи, идеально соответствующей своей идее, ее идея остается ее *родовой*, внутренней (то есть сущностной) и умопостигаемой формой. Поэтому платоновский Сократ в виртуальной беседе с платоновским Парменидом и уясняет себе, что не существует идеи отдельно взятой, то есть единичной, вещи. Существует только «...единство, которое, обнимая все [определенного рода] вещи, представляет собою некую единую их идею» [14, с. 411].

Следовательно, глазами увидеть можно не идею, а идеальный образец ее особенного, конкретного воплощения. И, кстати, следует заметить, что наличие такой возможности – увидеть идеальный образец воплощения той или иной идеи – очень важно для развития человеческого творческого воображения, без которого никакой идеи не постигнешь не только чувством, но и умом. Поэтому мы и говорим себе и другим: вот таким должен быть настоящий поэт, настоящий философ, настоящий человек...

Может быть, и Платону стоило показать Диогену свою любимую чашу и сказать: «Вот такой (или примерно такой) должна быть чаша, ибо в ней «чашность» (идея чаши) воплощена, ну просто, идеально!».

Итак, идея – это не только образец (возможность) способа бытия той или иной вещи, но – такая *возможность*, которая способна воплотиться (в том числе и в самой превосходной степени) в *действительность*. И вот такую-то – воплощающуюся или уже воплощенную – идею, по-моему, и следовало бы именовать эйдосом.

Всем сказанным я утверждаю, что два названных выше понимания идеального не только не чужды друг другу, но и обозначают два взаимосвязанных момента существования идеи: идеальное как возможный и необходимый способ бытия вещи и идеальное как в высшей степени совершенства воплощенный способ бытия вещи.

В философской литературе существует и противоположное мнение. Оно состоит в том, что идеальное, понимаемое как высшая форма совершенства чего-либо,

это абсолютно не то идеальное, которое принципиально противостоит материальному. Это, якобы, совсем другое идеальное: это – идеал, да еще и недостижимый. И отсюда делается вывод: в споре о природе идеального не надо путать одно понимание идеального с другим [10, с. 68]. При этом нередко ссылаются на авторитет «философичного» немецкого языка, в котором именно для того, чтобы не путать два различных значения идеального, имеется два разных слова: *Ideale* и *Ideelle*. Нам же, за неимением этих двух разных слов в русском языке, приходится специально объяснять друг другу, что вот данное идеальное – это идеал, нечто прекрасное, превосходное (*Ideale*), а вот то, другое идеальное – это субъективный образ объективной реальности, существующий в виде научного понятия или художественного образа (*Ideelle*). Однако мне кажется, что за разделением и противопоставлением идеи и идеала можно не увидеть их единства в процессе развития вещи. А это – действительно неразрывное единство! Гений, мастер – это люди, которые не просто в мыслях и делах своих движутся по логике реального предмета, но делают это, в отличие от многих своих коллег, *самым наилучшим образом*. В результате их деятельности возникает шедевр, образец для подражания, одним словом, то, что выше было обозначено как *идеальное воплощение идеального*.

Знание выдающихся ученых является идеальным не только потому, что оно противостоит материальному объекту, но и потому, что оно достигает высшей степени адекватности последнему. И вообще, любой хороший специалист в области того или иного дела – в норме стремится достичь по возможности наиболее идеального результата в процессе воплощения своих знаний и умений, то есть наилучшим способом реализовать некую свою *потребность* благодаря своей *способности* это сделать. Государственный деятель стремится построить идеальное государство, спортсмен стремится достичь идеальных показателей в своем виде спорта и т.д.

Таким образом, обе формы проявления идеального (и *Ideelle* и *Ideale*) оказываются неотъемлемыми друг от друга моментами единой, целостной системы *умного действия* человека. Но только ли человека?

Всюдность и вечность идеального.

Можно ли считать, как это делает большинство материалистов, что идеальное присуще только человеку и человечеству, а не всей природе?

Поскольку наиболее последовательно эту материалистическую позицию выразил в своих работах Э.В. Ильенков, постольку дальнейшие размышления на указанную тему хотелось бы начать с цитирования того определения идеальной формы, которое этот известный философ дал в своей работе «Диалектика идеального»: «Идеальная форма вещи — это форма общественно-человеческой жизнедеятельности, но существующая вне этой жизнедеятельности, а именно — как форма внешней вещи, репрезентирующей, отражающей другую вещь. И наоборот, это форма вещи, но вне этой вещи, и именно — как форма жизнедеятельности человека, в человеке, «внутри человека» [4, с. 52].

Да это так, идеальная форма вещи действительно есть «форма вещи вне этой вещи», действительно она есть «форма вещи, репрезентирующая, *отражающая* другую вещь», однако я уверен, что идеальная форма присуща любой, безо всякого исключения, вещи. Ибо не только человеческая история, но и эволюционный процесс всей природы буквально насыщен указанными выше «репрезентациями» и «отражениями». Попробую доступными мне средствами доказать всеобщность таких взаимоотношений вещей. И для начала обращусь за помощью к Г.В. Лейбницу.

Лейбниц полагал, что не только у человека, но у любого природного тела имеется своеобразная душа, которую

он назвал *монадой*. То есть сознание, в понимании Лейбница, является лишь самой высшей и развитой формой некоего свойства, которое органически присуще любому природному телу. Что же это за свойство? Это свойство Лейбниц именуется восприятием (перцепцией), а в высшем его состоянии – сознанием (апперцепцией). Лейбниц считает монады субстанциями, но – субстанциями, так сказать, низшего уровня, сотворенными или производными, и только создавший их Бог является первичным Единством, или изначальной простой субстанцией [5, с. 421]. Поскольку же Бог не только создает монады, но и создает всеобщую гармонию, «в силу которой всякая субстанция точно выражает все другие субстанции путем отношений, какие она имеет к ним» [5, с. 423], постольку «всякая монада по-своему есть зеркало универсума» [5, с. 424]. При этом монады по степени сложности строения их тел и отчетливости отражения ими универсума делятся на монады неживых тел, монады живых тел (души, энтелехии) и монады, которые Лейбниц называет духами, или разумными душами. Первые из названных монад суть неживые зеркала, «души вообще суть живые зеркала, или отображения универсума творения, а духи, кроме того, суть отображения самого Божества, или самого Творца природы, и способны познавать систему вселенной и подражать ему кое в чем своими творческими попытками, так как всякий дух в своей области – как бы малое божество» [5, с. 428].

Таким образом, Лейбниц выявляет в логике Универсума всеобщее свойство, объединяющее все вещи природы. Свойство это – *отражение*. Причем это – не пассивное отражение, а отражение, вызывающее изменение восприятия монады, и, соответственно, – материальное действие тела, обладающего данной монадой.

Роль понятия отражения в конкретизации понятий идеального и материального

Если внимательно приглядеться к лейбницевской монадологии, то мы увидим в ней развитие платоновского учения об идеях, а точнее – о *воплощенных* идеях (эйдосах), ибо каждая вещь предстает в этом учении как идеальное (монада), соединенное с материальным (тело). При этом идеальное (монада) дает возможность любой вещи осуществлять идеальное («зеркальное») отражение мира, а материальное (тело), соответственно, осуществлять материальное отражение.

Таким образом, понятие «отражение» характеризуется той двойственностью, суть которой Лейбниц хорошо выразил через связь отражения как изменения восприятия монады – с материальным действием тела, вызванного тем или иным восприятием его собственной монады. Отсюда следует, что мы можем говорить о том, что существуют и находятся в тесном, диалектическом взаимодействии два вида отражения: отражение как *отпечаток* (например, отражение чего-нибудь в зеркале) и отражение как *отбрасывание*, как *отражение* неприятеля, как отражение угрозы и т. д., а поскольку этот вид отражения не обязательно является агрессивным по отношению к отражаемому, а часто принимает характер более или менее «мирного соглашения», назовем его более нейтрально – *отражение-противодействие*.

Первый вид отражения по сути своей – это *идеальное отражение*. Оно неотделимо от отражения материального, но последнее выступает здесь лишь условием первого. Например, причудливое переплетение отраженных от зеркальной поверхности материальных лучей света, будучи расшифрованным с помощью мозга и его продолжения – глаза, превращается в *идеальное* отражение чего-либо вполне материального. Например, – грозящей опасности. И хотя отражение в виде отпечатка в любой зеркальной поверхности является физическим (оптическим) явлением, то есть, казалось бы, лишь *материальным* отражением лучей света, на самом-то деле последнее выступает

здесь лишь как условие, как инструмент идеального отражения: я вижу не зеркало и не глаз, а то, что в них отражается, репрезентируется.

Второй вид отражения – это **материальное отражение**. В результате удачного отражения-противодействия отражающая сторона, предприняв необходимые меры и, избежав тем самым той или иной, для своего существования, опасности, определенным образом сохраняет себя в данной среде обитания. И хотя материальное отражение-противодействие становится возможным лишь потому, что система обладает способностью к идеальному (опережающему) отражению, однако теперь уже последнее выступает в качестве всего лишь необходимого условия материального действия-отражения.

Как можно видеть, в феномене отражения проявляется то самое двуединство, о котором было сказано выше: идея – это и способ существования данной вещи среди других вещей, и – образец, эталон материального *воплощения* данной идеи. При этом в способности и в процессе отражения проявляется также и двуединство идеального: как возможности и как действительности, то есть как разумно воплощенной идеи.

Однако можно ли доказать, что обозначенные варианты диалектического соотношения материального и идеального отражения носят поистине универсальный характер? Попробую дать на этот вопрос положительный ответ, взяв в качестве примера уже не живую и тем более – мыслящую вещь, а вещь неживую, например, – известное всем химическое соединение «окись кремния», SiO_2 . В зависимости от силы физического давления со стороны окружающей среды это вещество проявляет себя в виде различных своих минеральных модификаций. На земной поверхности или близко к ней окись кремния – это кварц, а достаточно глубоко внутри планеты, а также при ударе крупного метеорита о землю, то есть – в условиях огромных давлений, окись кремния превращается в иные свои разновидности, которым ученые дали имена «козсит» и «стишовит». Когда же последние снова попадают в условия обычных для поверхности земли давлений, они начинают очень медленно и постепенно возвращаться в прежнее состояние. Следовательно, суть всех этих превращений заключается в том, что атомы кремния и кислорода в этих кристаллах либо приближаются друг к другу, либо удаляются. И что же мы видим на этом примере?

Материальный аспект отражения проявляет себя в данном случае в упомянутых выше вынужденных перемещениях атомов кремния и кислорода, каждая из относительно стабильных состояний которых является, как выражаются некоторые исследователи, «свернутой, возможной информацией» о чем-то, что недоступно нашим органам чувств. Именно эта материальная форма отражения в минерале превращается в руках и глазах специалиста из возможной информации в действительную: в строении кристалла специалист «видит» незримое, но (и вот это принципиально важно подчеркнуть) **объективно присутствующее** в этом кристалле, например, – нехарактерную для поверхности земли физико-химическую среду, некогда породившую высокочастотную разновидность SiO_2 . В действительности (материально) этой физической среды для данного кристалла уже давно нет, но *идеально* она в нём присутствует в виде отражения им её посредством существенного сближения атомов кремния и кислорода. И данная форма расположения атомов внутри кристалла и есть та самая, выражаясь словами Э.В. Ильенкова, «форма вещи, репрезентирующая, отражающая другую вещь».

Надо сказать, что рассмотрение отражения в неживой природе позволяет мне обратить внимание читателя и на другие, дополнительные оттенки тесной связи материального и идеального в феномене отражения. Так, можно видеть, что способность минерала SiO_2 перестраивать

свои атомы сохраняет его химическую самоидентичность в экстремальных параметрах окружающей его среды, и этот факт мы можем назвать идеальным, то есть очень удачным, *материальным отражением* разрушительного воздействия чудовищного давления, что явилось условием того, что минерал посредством внутренних структурных изменений смог *идеально* вписаться в предложенную ему физико-химическую среду существования. И именно на подобные факты в своей полемике с Э.В. Ильенковым и ссылался М.А. Лифшиц [6], доказывая, что идеальное как форма присутствует не только в социальном, но и в природном бытии. И поэтому, например, шарообразность – это действительно идеальная форма небесных тел, так как именно она позволяет этим телам идеально существовать в мире гравитации.

Итак, какие бы примеры мы ни приводили, мы непременно найдем подтверждения тому, что материальное и идеальное всегда и всюду вместе, они проникают друг в друга и, проявляя себя как взаимосвязанные аспекты процесса отражения, дают возможность всему существующему существовать и развиваться. И мы, к тому же, лишний раз убеждаемся в том, что идеальное как нематериальное теснейшим образом связано с идеальным как высшей степенью материального совершенства.

Разговорный язык, именуя все стороны «идеального» одним и тем же словом, мудро запечатлевает в себе тот факт, что одно значение этого слова «светится» в другом, является по своей сути лишь тем или иным моментом единой системы отражения, и без этого их единства идеальное как *возможность* никогда не превратилось бы в идеальное как *действительность*.

Столь же не случайна, как мы видим, и двойственность значения слова «отражение». Она позволяет рассмотреть диалектическое единство двух сторон феномена отражения. Отражение может быть и отпечатыванием (запечатлением) отражаемого в данной вещи объекта, и – противодействием последнему. При этом каждая из этих взаимосвязанных сторон отражения является и идеальной и материальной. А в совокупности все эти аспекты отражения представляют собою структуру любого природного и социального взаимодействия.

Итак, используя непререкаемый факт всеобщности феномена *отражения*, Лейбниц существенно обогащает платоновские понятия «идея вещи» и «материя вещи». Следуя указанной содержательной логике Лейбница, мы можем сказать, что способность отражать и быть отражаемым изначально входит в состав идеи как важнейшее её свойство, обеспечивающее специфический для каждой вещи способ бытия. Идея оказывается и «зеркальцем», отражающим окружающий мир, и – «запланированным» для данной вещи материальным способом защиты своего существования. Кстати, сказанное лишним раз свидетельствует о том, что идея вещи – это и есть *сущность вещи*, как возможной, так и действительной (эйдос).

Мне хотелось бы подчеркнуть, что анализ диалектики соотношения феноменов и понятий «материальное», «идеальное», «отражение» (и сопровождающее этот анализ герменевтическое различие значения слов) не являются для меня самоцелью. С их помощью я стремлюсь доказать то, что чрезвычайно важно для моего миропонимания: а) неразрывность материального и идеального и б) вечность и «всюдность» их существования в качестве универсальных форм «запечатлевающего» и «противодействующего» отражения.

Итак, понятие отражения насыщает наше понимание идеи тем, что она потому и выражает собою способ и смысл бытия вещи, что для нее *быть* – это значит обладать особенной, специфической способностью как идеально, так и вполне материально отражать всё то, что либо благоприятствует, либо же, напротив, мешает её бытию.

Весь мир принципно рефлексивен

«Идеальное», как можно видеть, является предикатом любого, а не только социального, субъекта, в том числе и субстанции-субъекта: в бытии как таковом оно проявляет себя и как *идеальная форма отражения, присущая любой части или моменту бытия*, и как *идеальная форма самоотражения-самоутверждения Бытия-как-Субстанции*. Вторая из этих идеальных форм отражения – это, на мой взгляд, и есть то, что Спиноза называл мышлением Природы-Бога.

Образно говоря, *идеальное* отражение означает, что Бытие – *знает*, каким образом оно должно сохранять свою целостность, а, *материально* отражая угрозы и опасности своей целостности, оно сознательно и целенаправленно *действует*. Таким образом, умное действие человека – это момент а, в общем-то, и закономерный результат *умного действия Бытия!*

Итак, весь мир принципно рефлексивен. Каждая вещь не только материальна, но и идеальна, поскольку она, так или иначе, незримо присутствует в других вещах и, наоборот, содержит в себе следы присутствия других вещей, когда-либо взаимодействовавших с ней. Всё во всём, как говорил Анаксагор. Только в нашем случае речь идет не о вездесущести гомеомерий, понимаемых как материальные частицы, сохраняющие свои качества, а – о заложенной в любой вещи материально-идеальной «памяти» о ее бывших «сражениях» и «компромиссах». Материально-идеальные отпечатки, – все они являются следами многочисленных взаимодействий и формировавшихся и постоянно подвергавшихся испытанию на прочность видовые и родовые эйдосы, то есть сущности, тех или иных вещей.

Вот о чем, в буквальном своем смысле, говорит знаменитая гегелевская формула: «Всё действительное разумно, всё разумное действительно». Разумность и действительность любой вещи проявляется в ее способности идеального и материального отражения окружающего ее мира и в выдерживании конкуренции со стороны других вещей в борьбе за право *быть*.

Таким образом, можно видеть, что не только в человеческой деятельности, но и вне её и независимо от неё *идеальное как идеал* присутствует в *идеальном как в смысле и сути материального предмета*: присутствует в виде *возможности идеального выражения последним своей сущности*. «Воля к власти», – так назвал это универсальное свойство вещей Ф. Ницше.

Преэссенция истории философии как условие развития человеческой способности соответствовать Бытию сущего

Как уверяет нас М. Хайдеггер, все философы думают об одном и том же, только каждый по-своему. Каждый из них снова и снова возвращается к тому, что, казалось бы, уже тысячу раз было раскрыто и отвергнуто, или же, наоборот, стало чем-то общепризнанным и даже тривиальным. И это вызвано тем, что меняется наша жизнь, меняется содержание деятельности людей, меняется наука. И в результате этих перемен забавная картинка из двух головастика уже не кажется нам наивной, и слова Ян и Инь наполняются новым, глубоким, и главное – рациональным, смыслом.

История философии с течением времени все более убедительно демонстрирует нам свою *эстафетность* и внутреннюю связь своих, казалось бы, разрозненных и даже непримиримо борющихся между собою идей.

Весь мир есть иерархическая совокупность эйдосов, и в этом открытии Платона сконцентрировано всё интеллектуальное богатство предыдущей, по отношению к Платону, философии. Так, в ней, например, несомненно внутренне присутствует учение Анаксагора. И я думаю, что, в общем, это – *убежденность в ноосферности бытия*, хотя и выраженная в облике иных понятий. И в самом деле, сколько бы мы ни делили на части какую-либо вещь

или весь космос, мы неизменно получаем строго подобостное (гомеомерное) делимому, а именно – внутренне противоречивое единство идеи как способа быть (функционализировать) и идеи как идеально подходящего для данной вещи воплощения (формирования) этого способа быть. В неизменности в платоновской философии осталось также и учение о Верховном Уме, управляющем всей системой гомеомерий и определенным образом присутствующем в каждой из них. Роль Нуса у Платона осуществляет Идея Блага, способная делать все вещи истинными, то есть идеально соответствующими своим идеям, своему смыслу, и в силу этого – познаваемыми.

Более того, как пишет А.Ф. Лосев, «Углубляясь еще дальше в идеалистическую философию Платона, мы находим и другие, на первый взгляд удивительные черты, отличающие ее от идеализма Гегеля. У Платона не идеи образуют собой наивысшую действительность, но Единое, которое есть не что иное, как тождество всего идеального и материального, как тот первопринцип, из которого только путем его разделения возникает идеальное и материальное... Платон ввел ограничения для своего идеального мира не только сверху, в виде Единого, но и снизу, в виде Мировой Души. Если идеальный мир вечно неподвижен, а материальный вечно движется, то такое противопоставление возможно для Платона лишь потому, что существует начало одновременно и неподвижное и в то же время вечно движущее. Это и есть Душа Космоса и Душа всего, что в него входит; она и есть то идеальное, которое одновременно дает способность двигаться и жить всему живому и неживому» [7, с. 57].

Эта космологическая картина буквально потрясает меня своей гениальностью, и я вижу в ней дальнейшее развитие Гераклитовой картины Космоса-Огня.

Интеллектуальную эстафету идей продолжили и те философы, которые выросли на учении Платона. Уже непосредственный ученик Платона – Аристотель, строппиво дистанцировавшийся от ряда идей своего учителя, в целом, тем не менее, двигался в русле великих открытий Платона. Он был, по выражению М. Мамардашвили, тонкий, глубокий «называтель», то есть многое из того, что у «элитарного философа» Платона присутствовало в потоке его изложения и решения проблем, у Аристотеля получило развитие и очень точно, выразительное наименование [11, с. 181].

В-первых, Аристотель, отрицая существование мира идей, в то же время выдвинул понимание Бога как Формы всех форм. Но разве это, спрашиваю я себя, не есть мир идей, но только переосмысленный и названный по-другому?

Во-вторых, разделив «вещь» на материю и форму (а А.Ф. Лосев уверяет нас, что в аристотелевских произведениях само слово «форма» должно быть заменено нами на слово «идея»), а затем соединив их в категории «содержание», Аристотель логически смоделировал не что иное, как воплощенную идею (эйдос): ведь если идея Платона – это прежде всего *возможность* единства идеального способа существования и идеальной материи, то Аристотелево «содержание» вещи как единство внутренней формы (идеи) и материи (не обязательно при этом идеальной) есть *действительность* этого единства. А вот полной проявленности истины (сущности) предмета, полной завершенности его бытия Аристотель как «тонкий и глубокий называтель» дает замечательное и точное имя – «энтелехия» (entelecheia; entelecheia – завершенность, осуществленность). «Энергия» – это возможность, «движение» – это процесс превращения возможности в действительность, «энтелехия» – это то, что мы выше, стараясь соединить два значения «идеального», назвали «идеальным воплощением идеального».

Таким образом, отрицая на словах мир идей Платона, Аристотель на деле как честный исследователь-метафи-

зик фактически воссоздал и развил мир идей в иных, своих собственных, понятиях.

Когда мы философствуем? – спрашивает нас М. Хайдеггер. И отвечает: только тогда, когда мы вступаем в реальный или мысленный разговор с другими философами. Мы говорим с ними о том, что они обсуждают. «Это проговаривание друг с другом того, к чему, собственно, всё снова и снова как к одному и тому же обращаются философы, есть речь, ... в смысле..., речь как диалог» [20, с. 119]. Прошу заметить: у М. Хайдеггера в приведенном выше высказывании речь идет не о буквальном повторении, а всякий раз – о возврате к осмыслению Бытия на качественно новом, более высоком уровне. И в связи с этим, «ответ на вопрос «что такое философия» состоит в нашем со-ответствии тому, к чему философия держит путь. А это есть Бытие сущего» [20, с. 119]. И завершая эту мысль, М. Хайдеггер как бы окончательно впечатывает в сознание читателей: «Соответствие бытию сущего и есть философия» [20, с. 120].

Таким образом, развивая разумную, диалектическую логику познания, анализируя и синтезируя величайшее в наследии великих и в качестве эстафеты передавая эту логику последующим поколениям философов, мы всё отчетливее и отчетливее *видим* вполне реальный предмет нашего познания – Бытие сущего, то есть сущность всего сущего. Диалектика – это хорошие глаза, говорил А.Ф. Лосев. Это он говорил о той диалектике, которую мы называем субъективной. Но, когда мы хорошо видим что-то, мы ведь забываем о своих глазах, не так ли? И в данном случае это «что-то» есть диалектика, но уже не субъективная, а объективная. Мы пребываем в ней, мы следуем ей, мы служим ей. И это не что иное, как воплощение нашей любви к мудрости Бытия!

Поэтому нельзя думать, что философы занимаются познанием бытия сущего лишь для собственного удовольствия, лишь из любопытства. Нет, они (если они действительно философы) делают это от имени и во благо всего человечества, поскольку *соответствие* сущего бытию – это не чисто теоретический, но прежде всего – практический вопрос, касающийся интересов всех людей, большинство из которых очень и очень отклонились от такого соответствия. Необходимость внимать и следовать Логосу – это не выдумка капризного и «темного» Гераклита, а «железная» необходимость, от соблюдения которой в наше время уже вполне зримо зависит проблема человеческого бытия или небытия.

Отражение как противоречивое единство материального и идеального

Итак, умение вещи *идеально* вбирать в себя окружающий ее мир и использовать это идеальное отражение для вполне *материального* отражения реальных угроз означает способность этой вещи какое-то – краткое или продолжительное, а даже, возможно, и бесконечное – время существовать. Рассмотрим, каким образом отражение как универсальный атрибут бытия выражает себя через противоречивое единство материального и идеального. *Внешне*, то есть в чувственно доступной нам форме, данное противоречие предстаёт перед нами как противоречие между единичным и особенным, единичным и всеобщим, как *противоречие между вещью и средой ее обитания*. Но если с помощью разума погрузиться к сущности этого являющегося нам противоречия, то окажется, что в основе его лежит противоречие между «идеей», «чтойностью», то есть специфической способностью (возможностью) вещи обладать своим особенным бытием в мире, и – воплощением, реализацией этой возможности.

Поясним сказанное на примере социальной системы. Человек *по идее* – это «Ното sаріens», человек разумный, но в настоящее время *материальные* условия способа его воспроизводства явно не способствуют воплощению этой идеи в действительность. В который раз противоречивое

единство материального и идеального в человеке испытывается на прочность. Социальная система и ее «элементы» пребывают в сильнейшем напряжении и дискомфорте из-за постоянно возрастающего отчуждения их друг от друга. И перед мыслящими людьми возникает вопрос: а способна ли и на этот раз социальная система найти достойный ответ на серьезный исторический вызов. Ясно одно: решение данного противоречия должно заключаться в со-творении гармонии между человеком и обществом, человеком и природой. Но вот реального пути созидания такой гармонии большинство людей пока что либо не знает, либо даже и знать не желает.

Быть – это значит постоянно развиваться, постоянно приводить в состояние гармонии расплывающиеся, распадающиеся отношения между идеей вещи и её материей (вот что диалектики обозначают с помощью словосочетаний «объективное противоречие» и «решение объективного противоречия»). И при этом приходится выдерживать жесткий отбор на выживание, ибо всеобщим условием бытия является сохранение его наилучших, наиболее жизнеспособных форм. Вечное движение становления, вечное обновление. Лучше видеть, лучше понимать, – это означает: лучше отражать угрозы своему бытию.

Эта закономерность, несомненно, относится и к миру в целом. По крайней мере, именно в том и состоит подобие космоса и микрокосмоса, что только эти два субъекта обладают свойством вечного движения становления, вечного обновления.

Таким образом, атрибутивное, то есть неотъемлемое от Субстанции, соотношение материального и идеального – это соотношение неотделимых друг от друга (неживых, живых и мыслящих) природных форм *отражения*, а, значит, – и соотношение между собой форм бытия в целом (Sein) и бытия человека (Dasein).

Развитие чаще всего понимают как восхождение от низшего к высшему, от простого – к сложному, как восхождение, сопровождающееся вечным изменением (улучшением) качества. Да, конечно, указанные моменты присущи процессу развития, но схватывается ли ими то главное, что характеризует этот процесс?

Наш рассудок (как неотъемлемый момент разума) всегда пристально всматривается в проявляющиеся в процессе развития черты развивающегося, но остающегося тождественным самому себе, предмета. Эту конкретизацию нашего знания можно сравнить с тем, как проясняются для нашего зрения черты знакомого нам человека, когда он приближается к нам издалека, или же из темноты и тумана. Вот какую важную характеристику развития многие забывают: оно и есть «вечное возвращение того же самого», происходящее в форме видимого феномена пронизывающей всё и вся «воли к власти». У нас есть основание соглашаться с М. Хайдеггером, который категорически настаивал на логической первичности у Ф. Ницше идеи вечного возврата по отношению к идее воли к власти [22, с. 111–113]. А это означает, что первая из этих идей носит сущностный характер, а вторая – феноменологический. И поэтому вечное развитие обязательно должно иметь внутри себя и то, что в нем отрицал, например, Ф. Энгельс: устойчивое, святое, абсолютное Оказывается, универсальная воля к власти – это страстное стремление всего сущего дойти до своего идеала, до своей цели, вернуться «домой», к Родному, Святому и Абсолютному.

Именно в сам диалектическом взаимодействии материального и идеального вижу я источник устойчивости *бытия*, обеспечиваемой постоянным развитием *сущего*. И именно взаимные поиски соответствия материального и идеального друг другу и порождают те главные формы движения природы, которые Тейяр де Шарден назвал «литосферой», «биосферой» и «феноменом человека» (становящейся «ноосферой»). Каждой из этих трех форм дви-

ження присущ свой особенный, специфический тип монады, или «души»: в «литосфере» это непосредственное, «не расщепленное», не дифференцированное еще сосуществование материального и идеального; в «биосфере» – это информационный способ их взаимодействия, в «социосфере» – это единство чувственно-предметной и мыслительной деятельности.

Однако следует подчеркнуть, что поиски источника развития всего сущего не могут быть самоцелью философского анализа. Главное – это понять смысл и цель развития. К чему же или к кому же (уж ни себе ли самому, оставаясь самим собою?), приближается из темноты и тумана прошедшей истории развития вся совокупность сущего, то есть – Природа-Космос? И тут нам необходимо отдать должное интуиции Анри Бергсона, провозгласившего, что *теория познания и теория жизни нераздельны и подобны друг другу*. Сейчас, через столетие после появления трудов А. Бергсона, осмысливая творческое наследие его учеников, мы можем сказать: да, это, действительно так, ибо эволюция природы ведет к возникновению все более совершенных, более разумных существ и их сообществ (систем), а развитие человеческого познания, сопровождаемое, к сожалению, и трагическими отступлениями и «завихрениями», тем не менее, неуклонно стремится к тому, чтобы процесс познания базировался на разуме, на диалектическом стиле мышления.

Человек совершенствует свое сознание (*идеальную форму своей деятельности*) для того, чтобы сделать его диалектически тождественным *материальной* форме своей деятельности. При этом важно понять, что сказанное отнюдь не означает, что сознание человека должно быть служанкой любой деятельности, например, – деятельности бездуховной или же преимущественно потребительской. Философы так называемого постмодернизма совершают великий грех, отказываясь от категории истины и заявляя, что знание производится лишь для того, например, чтобы быть проданным, употребленным для обретения стоимости в новом продукте и, будучи обмененным в форме информационного товара, получить свою конечную цель в усилении производительной мощи [12, с. 144].

Чьей мощи, зачем и кому она нужна? – Нет ответа! Но нет и серьезного опровержения мысли Аристотеля, согласно которой «...философия называется знанием об истине» [1, с. 94].

Представители современного вульгарного материализма полагают, что материя обладает прирожденной ей способностью к саморазвитию, и задача науки состоит лишь в том, чтобы констатировать и регистрировать стихийно проявляющие себя тенденции такого саморазвития. Налицо отсутствие теоретического взгляда на мир, ибо господствует принцип: вижу вещи и их соотношение и делаю «эмпирическое обобщение». А человеку для понимания направленности своего развития нужна не эмпирия, а теория. Теория же невозможна без понимания *объективно* смысла, *объективной* идеи наблюдаемых вещей и событий.

Итак, материя вещи не может существовать без идеи вещи. И если уж говорить о саморазвитии, то им может обладать только вот такая, «пропитанная» идеями, духом, – причем, на всех уровнях своего существования – материя.

Человек должен соответствовать своей сущности

Прав был М. Хайдеггер, говоря о том, что современный человек забывает о Бытии. А забывать о нем нельзя. Надо постоянно слушать, слышать Логос Бытия и, главное, слушаться его, то есть следовать и служить ему.

Хайдеггер также утверждал, что подмеченная рядом философов тенденция бегства человека от свободы имеет своим внутренним основанием бегство его от подлинного и фундаментального мышления. Блез Паскаль, подчеркивая, что человек, этот «мыслящий тростник», должен

помнить, что вся сила его в высоком качестве и достоинстве его мышления. Так значит, и все беды у нас оттого, что человек всячески увиливает от своей обязанности быть человеком, то есть правильно (сообразно с законами Бытия), мыслящим существом.

Да и вообще любая вещь (неживая, живая и мыслящая) должна исполнять закон Анаксимандра в понимании его Хайдеггером: оказывать «чин и угоду» окружающей природной среде, а значит – другим вещам [16]. Каждый человек должен знать и помнить о том, что он как вершина эволюции вещей должен свое современное бесчинство сменить на постоянное оказывание «чина и угоды» по отношению а) к другой вещи и к миру в целом, б) к другой жизни и к биосфере в целом, в) к другой мысли и к ноосфере в целом.

При этом человек прежде всего обязан соблюдать закон единства материального и идеального во всех своих информационных отношениях. И, что очень важно, – разобраться (в том числе – и с позиций международного права) с культурой с точки зрения совершенства, «работоспособности» ее как информационной системы. Задача здесь в том, чтобы, с помощью современной, бурно развивающейся информационной техники, выявляя и отбрасывая смертоносную ложь и пустую болтовню, развивать способность человека подключаться к миру серьезной и правдивой информации, осваивать ее и использовать для всеобщего блага.

Всё это и означает: соответствовать миру, в котором мы живем, соответствовать Логосу. Для верующего человека сказанное приобретает форму заповеди: любить Бога и исполнять Его Волю. И это лишний раз свидетельствует о том, что философия и религия во многом учат человека одному и тому же, хотя каждая – по-своему.

Прежде всего, как мне кажется, нам следует взять на заметку постоянное подчеркивание Мартином Хайдеггером того, что Бытие как «одно и то же», о котором думают все великие мыслители, находится не где-то далеко от нас, а в самой близкой близи. Несомненно, что Хайдеггер в данном случае имеет в виду и самого человека как бытие: Dasein как Тут-бытие или Вот-бытие. Однако для того, чтобы понять «величайшее» в этом утверждении, необходимо серьезно и глубинно поразмышлять над его содержанием.

Прежде всего, Dasein это не любой человек, а человек вечный, то есть не отпавший от своей сущности. В чем же состоит сущность человека? В своей книге «Бытие и время» Хайдеггер дает следующую формулу этой сущности: ««Сущность» бытия-вот заключается в его экзистенции» [21, с. 42]. Ну, а что такое экзистенция (именно так позже, через дефис, чтобы отличаться от экзистенциалистов, будет писать это слово Хайдеггер)? Философ дает нам следующее пояснение: «Человек существует таким образом, что он есть «вот» Бытия, то есть – его просвет. Это – и только это – «бытие» светлого «вот» отмечено основополагающей чертой экзистенции, т. е. экзистенциального выступления в истину бытия» [19, с. 199].

Итак, чтобы стать и быть просветленной и просветляющей частью бытия, человек должен соответствовать своей сущности, которая заключается в его экзистенции, которая, в свою очередь, есть не что иное, как преисполненное экстаза «выступление в истину бытия». Уясним же и усвоим эту истину: суть бытия может быть понимаема нами только через человека.

Меня всегда поражает интуиция тех великих философов, которые буквально каким-то внутренним чутьем улавливают космическое предназначение человека и видят в человеческом бытии ключик или путеводную нить к логике и истине Бытия, тем самым отождествляя Sein и Dasein. И зачастую это делается, казалось бы, без особых на то оснований. Впрочем, следует отдать должное и тем ре-

лигиозным пророкам, которые уже узрели это тождество своим внутренним оком и провозгласили, что человек – это образ и подобие Божье.

Пьер Тейяр де Шарден был тем мыслителем, который дал новый импульс исследованию этого тождества человеческого и божественного, обосновав научными фактами и эмпирическими обобщениями то, что человеческое бытие – это бытие важнейшего этапа эволюции Природы. Причем, – эволюции, направляемой Абсолютом и – к Абсолюту. В.В. Библихин, переведя на русский язык хайдеггеровское *Dasein* как «присутствие», несомненно вложил в это слово очень важный оттенок ключевого слова хайдеггеровской философии, но, думаю, вряд ли и переводчик, и переводимый им философ имели в виду *присутствие* человека в качестве главного действующего лица в процессе эволюционного восхождения Мысли (или, как говорил Гегель, – Духа) к новым своим вершинам. И дело такого присутствия-в-восхождении измеряется не только масштабом внутрисоциальных исторических деяний, а и космическим масштабом постоянного процесса оживания и умнения эйдосов. Социальная история духа – это всего лишь подготовка (в том числе и чисто техническая) к очередному качественному скачку от человека – к новой, более высокой и совершенной форме разумного бытия.

Благодатный материал для своей экзистенциальной аналитики *Dasein* Хайдеггер, как и некогда Гераклит, нашел в Слове. В отличие от других герменевтиков, он стремился вчувствовываться не в только в смысл словесного описания культурно-исторических событий, но прежде всего – в смысл космических контактов человека в его внутреннем и внешнем мире.

А вот замечательный пример к сказанному. Хайдеггер анализирует изречение Гераклита, состоящее всего лишь из трех слов: $\eta\theta\omicron\varsigma \alpha\nu\theta\rho\omega\pi\omicron \delta\alpha\iota\mu\omicron\nu\omicron\nu$ (*etos antropo daimon*), которое в общепринятом переводе значит: «Свой особенный нрав – это для каждого человека его даймон». Однако герменевтический анализ Хайдеггера показывает, что такой перевод абсолютное искажает то, что хотел сказать Гераклит. Ибо этос – это местопребывание, жилище, где, существуя, человек хранит в себе то, чему принадлежит в своем существе, и поэтому изречение Гераклита, по убеждению Хайдеггера, гласит: «Человек обитает, поскольку он человек, вблизи Бога».

А Бог, соответственно, присутствует вблизи человека. И Хайдеггер в подтверждение сказанному присовокупляет к своему анализу поучительную историю, о которой Аристотель сообщает так: «Рассказывают о слове Гераклита, которое он сказал чужеземцам, желавшим встретиться с ним. Придя, они увидели его греющимся у духовки. Они остановились в растерянности, и прежде всего потому, что он их, колеблящихся, еще и подбадривал, веля им войти со словами: «Здесь ведь тоже присутствуют боги!»» [19, с. 215].

Отсюда понятно, почему Хайдеггер называет язык «домом бытия». Именно язык (логос, слово) служит местом непосредственной встречи *Sein* и *Dasein*: «Язык есть дом бытия, живя в котором человек экзистует, поскольку, оберегая истину бытия, принадлежит ей» [19, с. 203]. К сожалению, далеко не все способны на такой возвышенный образ жизни: человек, погрязший в быте (в сущем) отчуждается от своей сущности. И поэтому Хайдеггер уверен в том, что подлинный гуманизм заключается в способности и потребности действовать в таком направлении, чтобы помочь человеку вернуть себе самого себя [19, с. 195–196].

А это означает, что человек, как, впрочем, и всё на свете, должен соответствовать своему собственному эйдосу, который выражен в его научном наименовании «*Homo sapiens*», «Человек разумный».

«Будучи существом разумным, человек должен уметь мыслить, раз уж он хочет этого. Однако человек хочет

мыслить, но не может» [17, с. 134]. Поэтому мы должны учиться мыслить, говорит Хайдеггер. И это – не призыв к освоению системыgnoseологических правил. Мы должны *онтологически* разобраться в том, о чем мы должны мыслить в первую очередь, понять, что именно «исконно может мыслиться прежде всего остального и для всего остального».

Случилось так, что мы об этом жизненно важно для нас «все еще не мыслим, хотя состояние мира все настоятельнее требует осмысления. Правда, кажется, ход событий способствует скорее тому, чтобы человек действовал, вместо того, чтобы произносить речи на конференциях и конгрессах, и вращаться в одних лишь представлениях о том, что должно быть и как нужно это сделать. Следовательно, не хватает действия, а ни в коем случае не мышления».

И все же, возможно, что человек до сих пор веками слишком много действовал и слишком мало мыслил» [17, с. 135].

Но, чтобы правильно мыслить, человек должен овладеть логикой бытия, логосом. Внимая Логосу, мы должны понять *всё как одно*. Логос единит собою природу, социум и человека. Вот как об этом пишет Н. Бердяев: «Величайшие философы, и христианские и языческие, те, для которых философия была священной, признавали существование высшего, божественного разума – Логоса, в котором субъект и объект тождественны, и открывали действие Логоса в человеке. Основное свойство Логоса, отличающее его от разума малого, – то, что он присутствует в такой же мере в объекте, как и в субъекте. Это – разум вселенский, он так же открывается в природе и истории, как и в человеке. Логос есть тождество субъекта и объекта; в нем дана общность человека и космоса, микрокосма и макрокосма» [2, с. 55].

Но если Логос – это *логика* Бытия, то что есть *истина* бытия? Именно так ведь поставил Хайдеггер задачу перед философом: искать, исследовать *Логика* и *Истину* Бытия! [19, с. 211–212]. Мне кажется несомненным, что Истина бытия состоит в том, что *Идея* Блага, как говорил Платон, всё делает истинным. И сказанное – не игра словами. *Истина бытия в том, что всё способно и должно стать истинным*. Истина бытия – это тот самый мир идеально воплощенных идей, которыми может наслаждаться душа, созерцая всё истинное. Этот мир идей пронизывает уже и наш современный мир, но пока что – в виде редких вкрапленностей в сей мир обыденности и абсурда. Поэтому-то нас так и тянет к себе искусство и, вообще, всё прекрасное и возвышенное.

Ницше сказал: «У нас есть *искусство*, дабы мы не погибли от истины». Однако, на мой взгляд, суть проблемы следовало бы выразить иначе, не противопоставляя искусство истине. Правильность мышления человека зависит от понимания им того, что есть истина. И если, скажем, такие люди, как Понтий Пилат, под истиной явно имеют в виду способность индивида приспосабливаться к *сущему*, каким оно нам является, то Христос говорил об истине как о *должном бытии* и мира, и человека. Так что мы убегаем в искусство не от истины, а от ее отсутствия. Нам дано искусство, чтобы, надыхавшись кислородом гармонии музыки и поэзии, вынести, перетерпеть несовершенство нашего мира, смиренно принять свой крест и упрямо улучшать этот мир, делать его истинным. В первую очередь, конечно, следует стремиться к тому, чтобы делать истинным свой собственный внутренний мир, но заодно с этим и делать истинными любые формы своего внешнего пребывания в этом мире. И тогда мир земной станет таким же, как и мир небесный, как мир идеальный, как мир должный.

Логика и Истина Бытия – это не разные вещи, это – одно и то же: логика есть выражение и осуществление истины бытия, а Истина Бытия есть идеально воплощенный Логос. Истинная Логика бытия говорит нам о том, что она

есть логика вечной эволюции сущего как логика созидания, обновления и совершенствования Бытия-Космоса, и это помогает нам понять, что такое *ноосфера* как потенциальная и актуальная форма Бытия, в чем состоит причина ее неизбежности и неодолимости.

У меня нет сомнения в том, что эволюция природы – это не просто эмпирическая данность, а могучее оружие Логоса, обеспечивающего бытие Космоса. В своеобразной форме, в форме метаморфоз огня, уже Гераклит гениально заметил и символически выразил существование именно такой закономерности бытия космоса. Причем, некоторые комментаторы Гераклита считают, что Огонь у него выступает в качестве того самого созидющего и руководящего начала Логоса, которое позже Анаксагор назовет Нусом.

Если взять эволюцию в единстве всего неживого, живого и мыслящего, то человеческим познанием ухватывается (как факт и как эмпирическое обобщение высшего ранга) направленность этой эволюции: возрастание способности эффективно отражать мир как идеально, так и материально. Идеально – как отражает чистое зеркало (Лейбниц, как мы видели, свои «монады» так и называл – зеркальца). Материально – как отражение угрозы хаоса, небытия. Как было показано выше, эти два вида отражения диалектически взаимосвязаны. И то вещество или существо, которое добивается внутренней гармонии между своей «идеей» и своим материальным телом, имеет несравненно больший шанс в вечной внешней соревновательности, имеющей своей целью наилучшую, идеальную гармонизацию своих отношений со средой своего бытия.

И тем не менее, переход человечества к ноосфере нельзя понимать как всего лишь процесс и результат наведения порядка в общении человека с природой и обществом. Такое понимание говорит лишь о самом исходном пункте возникновения ноосферы. На самом же деле упорядочивание и гармонизация отношений внутри социума и внутри биосферы рано или поздно, но должны привести и к качественному изменению самого человека. Таким образом, размышления всех «вперед смотрящих» – о соборности, о полифонировании и о других должных способах человеческого бытия – имеют своей идеей и идеалом именно ноосферу, как идеальное состояние развертывания человеческой сущности. Иными словами, ноосфера это – аттрактор (канал эволюции человечества) и цель, детерминирующая собою историю человечества. Последняя же есть не что иное, как отнюдь не разовый, а чрезвычайно продолжительный, а, может быть, и вечный, процесс творения и сотворения человека.

Говоря о творении человека, я имею в виду телеологическую задачу Мирового Логоса. Говоря о сотворении, я имею в виду то, что человек, согласно своей природе (*Ното сариенс*), в отличие от растений и животных, обязан не стихийно, а сознательно осуществлять эту космическую необходимость, познавая и принимая её как высший смысл своей жизни. Познанная необходимость, как известно, – это и есть свобода. Кто не желает эволюционировать в направлении развития в себе способности адекватно отражать и благоустраивать свой внутренний и внешний мир, нарушает закон Природы, а в религиозной терминологии, – Волю Отца Небесного. А это не может оставаться безнаказанным. И наказание тут одно: ты не оправдываешь Доверия и не выдержишь Отбора. «Много званых, а мало избранных». И свое избранничество каждый из нас заслуживает реализацией данной нам свободы избрания истинного пути творения добрых дел.

Таким образом, Человек – это становящийся феномен, истина (идея) которого – *Ноосфера* как более высокая форма бытия человека и *Объединенный Разум* как высшая, качественно иная, нежели сейчас, форма мышления.

Такова Логика Бытия. Таково устройство нашего мира: вечный отбор – через борьбу и страдания – наиболее

жизнестойких форм бытия. Для животного такая борьба есть просто борьба за жизнь. Для человека же – это борьба за *благую жизнь*, то есть борьба за высшие ценности своего бытия.

Однако для победы в этой борьбе, как это глубоко осознал еще Сократ, человек должен хорошо понять, а в чем именно состоит само это Благо. Человеку всегда сначала следует хорошенько подумать, прежде чем ввязываться в борьбу за какие-то ценности, ибо некоторые, как потом окажется, вовсе таковыми для человека и не являются. Человеку нужно не фальшивое, а истинное Благо.

Платон всю свою жизнь продолжал размышлять над паупством своего учителя и напряженно искал ответа на вопрос – что такое истинное Благо и как его можно достичь. Рассмотрев множество разных отдельных проявлений блага, он сформулировал объединяющую их всех Идею Блага: «Так вот, то, что придает познаваемым вещам истинность, а человека наделяет способностью познавать, это ты и считай идеей блага – причиной знания и познаваемости истины» [15, с. 316]. В этом определении высшей Идеи Платон называет истинность, укорененную в самом Бытии, причиной знания и познания человеком Истины. И таким образом, в онтологическом плане высшее благо заключается в том, что единство идеи любой вещи (вплоть до всего космоса) и материального воплощения этой идеи способно достигать идеального, совершенного состояния, которое (и здесь у Гегеля, через века, полная переключка с Платоном) придает вещам истинность как полное соответствие их своей идее.

Сказанное говорит о том, что способность человека как разумного существа познавать окружающий мир и самого себя не имеет никаких внешних преград и, будучи эйдосом (сущностью) человека, способна достигать своего максимально возможного совершенства.

При этом главное условие такого совершенства состоит в познании человеком самого себя, своей сущности, и в вытекающем из такого познания стремлении быть настоящим, идеальным человеком. Таким образом, главную идею Сократа, состоящую в том, что человеку для достижения счастья необходимо познать, что именно для него является Благом, и делать познанное им Благо путеводной звездой своей собственной жизни, необходимо понять таким образом, что выбор такого истинного блага означает вечное движение становления человека человеком. Фразу «Я человек и ничто человеческое мне не чуждо» следует понимать так, что человек должен преодолеть любые формы отчуждения себя от подлинно человеческого, то есть – духовного. Ибо Гегель всегда и совершенно справедливо подчеркивает, что человек – это дух.

Выходит, что быть человеком – это значит постоянно выходить за свои наличные пределы, восходя к духовному, божественному.

Итак, Истина Бытия – это и есть Идея Блага как истинное Благо. Таким образом, три понятия – Бытие, Истина и Благо «светятся» друг в друге и рисуют нам образ того самого мира идей, о котором говорил Платон. Бытие – это и есть истинный, идеальный мир и не только чистых идей, но и идей идеально воплощенных, которыми, попадая в этот мир, душа человека любит и наслаждается, то есть блаженствует.

Именно эта диалектика содержится в словах Гегеля, сказанных им в начале заключительной главы «Науки логики»: «Абсолютная идея есть... тождество теоретической и практической идей...». И через несколько строк: «... Единственно лишь абсолютная идея есть *бытие*, непреходящая жизнь, *знающая себя истина* и *вся истина*» [3, с. 288].

Не странно ли, что это говорит философ, который в начале той же самой своей книги дал бытию совсем другое определение, назвав его «непосредственным неопределен-

ным». Однако для философа-диалектика ничего странно в этом обстоятельстве нет, ибо бытие вообще и бытие любой отдельно взятой вещи невозможно представить без их становления, которое имеет разные и, в том числе и самые низшие, этапы восхождения, но никогда ими не исчерпывается и преодолевает их в движении к своему идеалу.

Именно в этом – в возможности и необходимости достижения идеального соответствия своему эйдосу, своей сущности и заключается великая Истина человеческого Бытия и истина бытия Мира в целом. Ноосфера как сфера Разума и выступает подлинным Благом и для человека и для Космоса. Бытие есть и Разум (Дух) и его практическое воплощение.

Логос – это логика и актуальной и потенциальной бесконечности. Это означает, что ноосфера одновременно и *уже есть*, и она же – всегда впереди. Важнейшим содержанием Логоса является то, что эйдос каждой вещи проявляет себя как единство начала и конца (апогея) ее бытия: единство генетически исходного эйдоса и – высшей формы его проявления.

Следовательно, и предельный, наивысший Эйдос (Абсолютная Идея) Бытия-как-Космоса – это единство его начала (начала эволюции конкретной подсистемы Природы) и завершения в лоне вечного Начала его Единства. Речь, как можно видеть, здесь идет о единстве начала как исходного пункта и начала, как сущностного основания.

А эйдос – это сущность как единство смысла системы (идеи) и материи, идеально соответствующей этой идее. Поэтому Абсолют – это единство Природы творящей (Абсолютной Идеи) и природы сотворенной (воплощенной, материализованной Идеи).

Поскольку ноосфера *всегда есть*, то всё развитие происходит внутри нее и есть не что иное, как постоянное воплощение ее эйдоса: единства идеального отражения как глубочайшего всеведения и – материального отражения как движения, которое поддерживает и совершенствует ее (ноосферы) бытие.

Таким образом, Вселенная в философской ее интерпретации возникает перед нами как единство сущего и его сущности, то есть – бытия. А именно: единство природы сотворенной как совокупного *сущего* – и ее *бытия* как постоянно материализующейся Мысли Природы Творящей.

Литература

1. Аристотель. Сочинения : в 4 т. / Аристотель. – М. : Мысль, 1976– . – Т. 1. – 1976. – 550 с.
2. Бердяев Н.А. Философия свободы / Н.А. Бердяев // Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества / Н.А. Бердяев. – М. : Правда. – 1989. – 608 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Наука логики : в 3-х т. / Г.В.Ф. Гегель. – М. : Мысль. – 1972– . – Т. 3. – 1972. – 672 с.
4. Ильенков Э.В. Диалектика идеального / Э.В. Ильенков // Логос. – 2009. – № 1 (69). – С. 6–62.
5. Лейбниц Г.В. Монадология / Г.В. Лейбниц // Лейбниц Г.В. Сочинения : в 4 т. / Г.В. Лейбниц. – М. : Мысль, 1982– . – Т. 1. – 1982. – С. 413–429.
6. Лифшиц М. Об идеальном и реальном / М. Лифшиц // Вопросы философии. – 1984. – № 10. – С. 120–145.
7. Лосев А.Ф. Жизненный и творческий путь Платона / А.Ф. Лосев // Платон. Сочинения : в 3 т. / Платон. – М. : Мысль, 1968– . – Т. 1. – 1968. – С. 580.
8. Лосев А.Ф. Эйдос / А.Ф. Лосев // Большая советская энциклопедия : в 30 т. / редкол.: А.М. Прохоров (гл. ред.) и др. – М. : Советская энциклопедия, 1978– . – Т. 30 : Эксилибрис – Яя. – 1978. – С. 129.
9. Лосев А.Ф. О жизненном кредо : беседа с журналисткой Е.А. Жирковой / А.Ф. Лосев // Credo New. – 2005. – № 1. – [Электронный журнал]. – Режим доступа : <http://credonew.ru/content/view/452/30>.
10. Майданский А.Д. Восхождение к идеальному / А.Д. Майданский // Логос. – 2009. – № 1 (69). – С. 63–73.
11. Мамардашвили М.К. Лекции по античной философии / М.К. Мамардашвили. – М. : Аграф. – 2002. – 320 с.
12. Марков Б.В. Философия : [учебник для вузов] / Б.В. Марков. – СПб. : Питер, 2011. – 432 с.
13. Платон. Софист / Платон // Платон. Сочинения : в 3 т. / Платон. – М. : Мысль, 1970– . – Т. 2. – 1970. – С. 319–399.
14. Платон. Парменид / Платон // Платон. Сочинения : в 3 т. / Платон. – М. : Мысль, 1970– . – Т. 2. – 1970. – С. 400–477.
15. Платон. Государство / Платон // Платон. Сочинения : в 3 т. / Платон. – М. : Мысль, 1971– . – Т. 3. – Ч. 1. – 1971. – С. 89–454.
16. Хайдеггер М. Изречение Анаксимандра / М. Хайдеггер // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге : сборник статей / М. Хайдеггер – М. : Высшая школа, 1991. – С. 28–68.
17. Хайдеггер М. Что значит мыслить? / М. Хайдеггер // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге : сборник статей / М. Хайдеггер / М. Хайдеггер. – М. : Высшая школа, 1991. – С. 134–145.
18. Хайдеггер М. Вещь / М. Хайдеггер // Хайдеггер М. Время и бытие : [статьи и выступления]. – М. : Республика, 1993. – С. 316–326.
19. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме / М. Хайдеггер // Хайдеггер М. Время и бытие : [статьи и выступления] / М. Хайдеггер. – М. : Республика, 1993. – С. 192–220.
20. Хайдеггер М. Что это такое – философия? / М. Хайдеггер // Вопросы философии, 1993. – № 8. – С. 113–123.
21. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – изд. 2-е, исправл. – СПб. : Наука, 2002. – 451 с.
22. Хайдеггер М. Ницше : в 2 т. / М. Хайдеггер. – СПб. : Владимир Даль, 2006– . – Т. 1. – 2006. – 293 с.
23. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии / Ф. Энгельс // Сочинения : в 39 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – изд. 2-е. – М. : Госполитиздат, 1960– . – Т. 21. – 1960. – 340 с.

Аннотация

Ивакин А. А. Знать всё как одно. – Статья.

Речь в статье идет о противоречивом единстве идеального и материального как об универсальной основе диалектичности Мира. Однако эта важная философская тема является в статье не самоцелью, а лишь «инструментом» раскрытия тождества сущего и должного, что, в конечном счете, позволяет автору сформулировать совокупность логических обоснований решения той мировоззренческой задачи, которую сформулировал Гераклит: понять всё как одно. Автор стремится конкретизировать диалектическую Гераклитову картину бытия Космоса элементами философских воззрений Платона, Аристотеля, Спинозы, Лейбница, Гегеля, Ницше, Тейяра де Шардена и других мыслителей. В основе Логоса (логики бытия), по мнению автора статьи, лежит эволюционная и инволюционная связь неживой, живой и мыслящей форм соотношения идеального и материального, которая и обеспечивает вечность и гармоничность космоса. Призыв Гераклита к людям – внимать Логосу и следовать ему – мы должны понять и принять как необходимость человека соответствовать своей сущности, то есть постоянно преодолевать любые формы отчуждения себя от подлинно человеческого – разумного, духовного. Цель и смысл бытия человечества – это восхождение от биосферы к ноосфере.

Ключевые слова: благо, бытие, воплощение, диалектика, идеальное, идея, истина, логос, материальное, ноосфера, отражение, противоречие, разум, человек, эйдос.

Анотація

Івакін О. А. Знати все як одне. – Стаття.

У статті йдеться про суперечливу єдність ідеального і матеріального як про універсальну основу діалектичності Світу. Однак ця важлива філософська тема в статті не є самоціллю, а лише «інструментом» розкриття тотожності сущого і належного, що, в кінцевому рахунку, дозволяє автору сформулювати сукупність логічних обґрунтувань вирішення того світоглядного завдання, яке сформулював Геракліт: зрозуміти все як одне. Автор прагне конкретизувати діалектичну Гераклітову картину буття Космосу елементами філософських поглядів Платона, Аристотеля, Спінози, Лейбніца, Гегеля, Ніцше, Тейяра де Шардена та інших мислителів. На думку автора статті, в основі Логосу (логіки буття), знаходиться еволюційний та інволюційний зв'язок неживої, живої і мислячої форм співвідношення ідеального і матеріального, який і забезпечує вічність і гармонійність космосу. Заклик Геракліта до людей – слухати Логос і слідувати йому – ми маємо зрозуміти і прийняти як необхідність людини відповідати своїй суті, тобто постійно долати будь-які форми відчуження себе від справді людського – розумного, духовного. Мета і сенс буття людства – це сходження від біосфери до ноосфери.

Ключові слова: благо, буття, втілення, діалектика, ідеальне, ідея, істина, логос, матеріальне, ноосфера, відображення, протиріччя, розум, людина, ейдос.

Summary

Ivakin A. A. Know all as one. – Article.

The article is devoted to contradictory unity of the ideal and the material as the basis of universal dialectical world. However, this important philosophical topic in the article is not an end in itself, but only a «tool» for the disclosure of the identity of existence and proper that ultimately allows the author to formulate a set of the logical justifications of the decision of the worldview problem which has made Heraclitus: to understand everything as one. The author seeks to concretize the Heraclitus dialectical picture of being of the Cosmos, by means of the elements of philosophical ideas of Plato, Aristotle, Spinoza, Leibniz, Hegel, Nietzsche, Teilhard de Chardin, and other thinkers. The author believes that the heart of the Logos (of the logic of being), is based on evolutionary and involitional connection of inanimate, animate and thinking forms of the relation between the ideal and the material, which provides eternity and harmony of the cosmos. The Heraclitus appeal to the people – to listen to Logos and follow it – we have to understand and accept as a necessity of a man to up to its essence, that is constantly overcome all forms of alienation of ourselves from a truly human – intelligent, spiritual. The purpose and meaning of human existence – the ascension from the biosphere to the noosphere.

Key words: good, being, incarnation, dialectics, ideal, idea, truth, logo, material, noosphere, reflection, contradiction, mind, man, eidos.